

Творческое наследие композитора хранит библиотека консерватории. В разных ее отделах собраны прижизненные нотные издания из личной библиотеки композитора, а также из библиотеки его матери Елены Павловны; книги, выпущенные издательским домом Глазуновых и представляющие сегодня большую библиографическую редкость.

Наиболее драгоценная часть творческого наследия композитора хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей. Собрание нотных рукописей, писем, дарственных надписей, иконографии, различных документов, связанных с деятельностью Глазунова на посту директора консерватории составляют основу самого крупного фонда из всех компози-

торских собраний отдела. В последние годы рукописи композитора привлекают к себе внимание исследователей, в том числе и молодых.

Радостным событием в жизни Санкт-Петербурга и всей отечественной культуры стало принятие на государственное хранение в 2002 году мюнхенской коллекции Глазунова. Она разместилась в Музее театрального и музыкального искусства на Фонтанке. Экспозиция Шереметевского дворца восполняет огромный пробел в истории отечественного глазуноведения. Годы, проведенные композитором за границей, — самые неизученные в его творческой биографии. Мемориальные вещи, одежда, мебель из парижской квартиры, его библиотека,

рукописи, письма — несомненно, ценнейшие экспонаты, позволяющие ближе прикоснуться к его личности и понять смысл позднего периода жизни и творчества.

Александр Константинович Глазунов для нас прежде всего композитор, который творил свои самые значительные и великие сочинения в России, а с 1905 года активному творчеству предпочел работу на посту директора Петербургской консерватории, отдавая ей все свои силы. Наша задача — свято хранить не только мемориальные вещи, книги, ноты и рукописи композитора, но и традиции бескорыстного служения русскому искусству, ответственности за судьбу вверенной ему консерватории и отеческого отношения к студентам.

Andrey ALEXEYEV

The Message From The Past

Статья посвящена истории мраморной доски, датированной началом XX века. Автор стремится ответить на целый ряд вопросов, возникающих в связи с загадками ее создания и дальнейшего существования.

This article is about the history of a marble plaque dating from the early 20th century. Author seeks to answer the whole amount of questions relating to mystery of its creation and the story following after that.

Андрей АЛЕКСЕЕВ

Послание из прошлого

Среди событий, приуроченных к празднованию 145-летия Санкт-Петербургской консерватории, ректоратом было решено заменить мраморную доску, находящуюся в пролете лестницы, ведущей в Малый зал имени А. К. Глазунова. На доске золотом были выбиты имена *выдающихся выпускников и педагогов консерватории* за 50 лет, начиная с имени первого выпускника — П. И. Чайковского. По орфографии было ясно, что доска готовилась уже в Советское время. По свидетельству профессора Гамалея, доску вывесили на обозрение не ранее 1939 года.

Ректорат решил расширить количество имен, и подготовил материалы для замены¹. Когда белая мраморная плита была снята со своего привычного места, то на обороте ее мы с великим изумлением обнаружили послание из прошлого. Золотыми буквами на доске представляющей фрагмент первоначальной плиты (*фото 1*), по всей ее длине заглавными литерами перечислялись лица Императорского Дома. А ниже, в три неполных столбца шли имена выдающихся личностей.

По соотношению собственных имен августейших особ с их же титулами, нам стало ясно, что плиту разделили в «точке золотого сечения», т. е. знакомая нам доска — это 2/3 первоначальной. Отсюда также с уверенностью можно сказать, что столбцов должно было быть четыре, причем, учитывая законы симметрии, в четвертом утерянном столбике, так же как и в первом должно содержаться 11 фамилий, а не 12, как во втором или третьем.

Восстановить первую строчку плиты не представляло труда: «Почетные члены Императорского Русского Музыкального Общества», а далее надо было расшифровать все имена и решить еще несколько вопросов: Когда создана плита? Для чего? Где располагалась?...

Попробуем разобраться... Чтобы правильно выяснить порядок лиц Императорской Фамилии, нужно понять, по какой логике составлялся список. Сразу было видно, что они не руководствовались в расположении титулами старшинства, т. к. на доске Августейшие Особы перечислены в несколько хаотичном порядке. Алфавит также может быть вычеркнут из версии. Скорее за основу был взят иной принцип, сверху вниз шли «ныне здравствующие», а затем — в бозе почившие.

«Ныне здравствующие»

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Юсифовна
Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович
Его Высочество Герцогь Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій
Его Высочество Герцогь Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій
Его Высочество Принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская

¹ См.: **Смольянинова Р.** Новые памятные доски // Musicus. — 2008. — №1 (10). — С. 64.

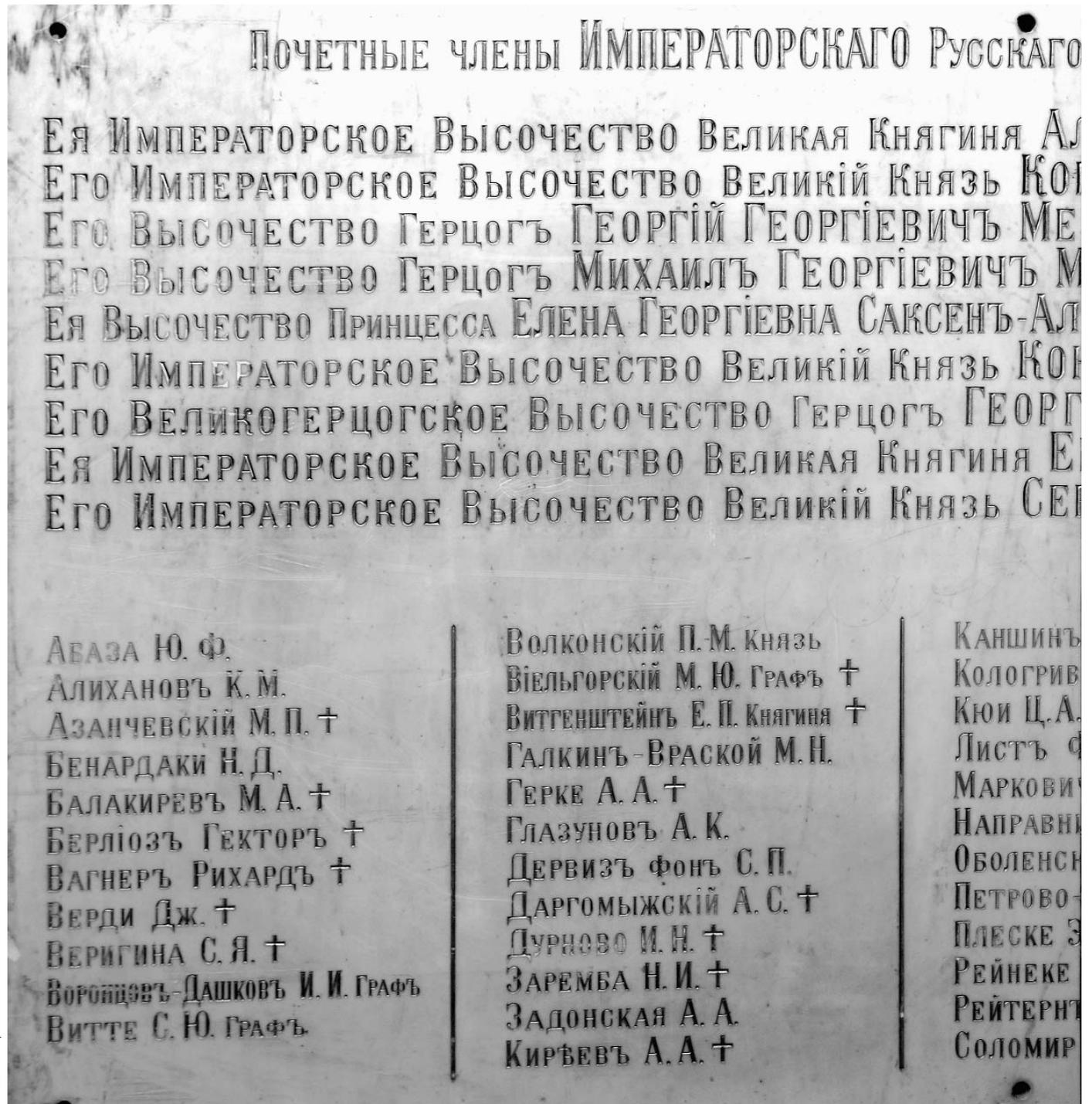

Фото 1. Фрагмент первоначальной плиты. Музей истории СПбГК

В бозе почившие

Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич †

Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Георгъ Мекленбург-Стрелицкий †

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михайловна †

Его Императорское Высочество Великий Князь Сергій Александрович †

Напомним, кто были эти люди.

Великая Княгиня Александра Иосифовна (1830–1911) — в девичестве принцесса Саксен-Альтенбургская. Долгое время являлась Августейшим Председателем Императорского Русского Музыкального Общества и Покро-

вительницей Консерватории. Этот титул ранее носил ее покойный супруг **Великий Князь Константин Николаевич** (1827–1892) (2-ой сын Императора Николая I), в свое время добившийся для РМО звания «Императорского». Великая Княгиня еще при жизни своего супруга близко интересовалась делами Консерватории, которая обязана своим грандиозным зданием ходатайствам Ее Высочества.

Великий Князь Константин Константинович (1858–1915) — сын Александры Иосифовны и Константина Николаевича, знаменитый поэт К. Р., был вице-председателем ИРМО и СПб консерватории в период президентства своей матушки. Великий Князь не отступил от ИРМО и консерватории в самое трудное время всеобщих волнений 1905–1906 годов, охвативших почти все учебные заведения России и в том числе консерваторию, бдительно оберегая эти учреждения до полного спокойствия.

Великая Княгиня Екатерина Михайловна (1827–1894) — дочь Великой Княгини Елены Павловны, была попечительницей ИРМО и СПб консерватории. Ее супруг — герцог **Георг-Август Мекленбург-Стрелицкий** (1824–1876), а также дети: сыновья — **Георгий** (1859–1909) и **Михаил** (1863–1934) **Георгиевичи Мекленбург-Стрелицкие**, и дочь **Елена Георгиевна** (1852–1936), в замужестве принцесса **Саксен-Альтенбургская** были широко известны в музыкальном мире. В 1898 году, стараниями Елены Георгиевны, учреждена *Премия Михайловского Дворца имени А. Г. Рубинштейна*. Принцесса Елена Георгиевна была последним президентом ИРМО. Во время Ее директорства, в консерватории был перестроен Большой зал, масштабно отпраздновано 50-летие консерватории, в военные годы устроены благотворительные концерты. Значительной заслугой герцога Георгия Георгиевича — явилось создание «Квартета герцога Мекленбург-Стрелицкого», который имел в последствии в своем репертуаре большую часть мирового квартетного наследия.

Великий Князь Сергей Александрович (1857–1905) занимался сферой искусств, скорее благодаря своей супруге Великой Княгине Елизавете Фёдоровне...

Состав перечисленных на фрагменте доски Почетных Членов ИРМО

За всю историю ИРМО, почетными членами состояло свыше 500 человек. Число их ежегодно пополнялось и изменялось. Так, среди перечисленных имен, рядом с великими музыкантами: Гектор Берлиоз, Рихард Вагнер, Джузеппе Верди, М. А. Балакирев, А. С. Даргомыжский, А. К. Глазунов, мы видим фамилии государственных деятелей: граф С. Ю. Витте, граф И. И. Воронцов-Дашков, И. Н. Дурново и многих менее известных лиц. Все эти люди были не только финансовой опорой ИРМО, но и всячески помогали и содействовали развитию музыкальной культуры в провинции. Например, г-жа Абаза, г-жа Веригина и княгиня Витгенштейн для открытия в Петербурге Музыкального училища при РМО пожертвовали 3000 руб. Антон Григорьевич писал: «Некоторые из дам высшего общества особенно горячо потрудились при основании Консерватории». Огромную энергию, на составление первого устава училища затратил А. А. Киреев. Великолепный орган, установленный в Большом зале Московской консерватории, появившись благодаря значительной финансовой поддержке С. П. фон-Дервиза. Н. Д. Бенардаки с момента основания РМО бесплатно отдал концертный зал своего особняка (Невский, 86; ныне Дом Актера) под квартетные собрания. При содействии М. Н. Галкина-Враского было открыто отделение Императорского Русского музыкального общества в Саратове.

Время создания плиты

Отправной точкой наших поисков послужил «крест» (†) напротив имени Балакирева. Как известно, Милий Алексеевич скончался в 1910 году. Значит, доска не могла быть создана ранее этого времени. Ни к 50-летию ли Петербургской консерватории готовилась? Правда более вероятно, что доску готовили к юбилею ИРМО в 1909 году, а пока высекали имена, работа задержалась и «крест» могли пририсовать позже. Точно можно сказать, что плиту готовили заблаговременно, и пока согласовывался план работы, пока исполнители

делали заказ, многие обстоятельства могли измениться, так оно, наверное, и было.

Успели ли повесить доску, а если и успели, то где?

Мраморная плита должна была размещаться в особо торжественном месте, к примеру — в фойе Большого зала имени А. Г. Рубинштейна. Или, например, в кабинете Августейшей покровительницы. Ведь Главная дирекция ИРМО располагалась также в здании нынешней консерватории, и занимала ту часть здания, где сейчас находится Оперная Студия и Зал имени Рубинштейна. Августейший Председатель ИРМО и Покровитель консерватории занимал особый кабинет, который Великая Княгиня Александра Иосифовна в 1900-м году отдала под основание там «Музея имени А. Г. Рубинштейна» (ныне «Розовая Гостиная»). По-видимому, «то самое место», где должна была размещаться доска — это не что иное, как пролет на **парадной лестнице** (место, где сейчас располагается зеркало). Почему такой вывод? Мы знаем, что Русское музыкальное общество было открыто в Михайловском Дворце с почина Великой Княгини Елены Павловны. И, возможно, архитекторы могли учесть пожелания Августейшей Особы, чтобы «в Ее консерватории» было так же, как в «Ее Дворце». Вспомним, что в пролете лестницы Михайловского Дворца помещена доска «Музей Императора Александра III» и Бюст Его Императорского Величества! Вот и еще один ответ на вопрос: почему на доске нет имен основателей: Августейшей Покровительницы Великой Княгини Елены Павловны и великого музыканта Антона Григорьевича Рубинштейна. Их бюсты должны были стоять на консолях по обеим сторонам юбилейной плиты! О том, что скульптуры действительно существовали, свидетельствует фотография Торжественного заседания дирекции ИРМО по случаю 50-летия Петербургской консерватории² (фото 3).

Однако, поразмыслив и изучив доску, исследовав состояние мрамора на предмет первичных крепежей, мы пришли к выводу, что, скорее всего, повесить ее не успели. Причиной, почему она не увидела света, мы предлагаем рассмотреть следующую гипотезу:

К моменту начала празднования полувекового существования ИРМО (ноябрь 1909), в Августейшей семье случилось несчастье: 50-лет от роду скончался герцог Георгий Мекленбург-Стрелицкий, а он указан в числе «ныне здравствующих». Таким образом, в данном изложении нарушались логические законы построения имен Императорской Фамилии. В сезон 1908/1909 годов сложились с себя полномочия Великая Княгиня Александра Иосифовна и Сын Ее Великий Князь Константин, а на место Августейшего Председателя ИРМО и Покровителя консерватории была призвана принцесса Елена Георгиевна, а на доске она указывается в самом конце упомянутых...

Фото 2а. Доска над именованным классом Л. С. Ауэра

Фото 2б. Доска над именованным классом Л. С. Ауэра (оборот)

Фото: Г. Маркова

² Музей истории Санкт-Петербургской консерватории. Оп. 4. № 11.

В любом случае доска требовала переделки, но завершить ее уже не успели. Война, революции... «Юбилейная плита» оказалась в подвалах консерватории и ждала своего часа.

Дорогой мрамор решили использовать в 1930-х годах. Большую часть было решено употребить на список «Выдающихся выпускников и педагогов консерватории». А меньшую — распилили на куски и повесили над именными классами Л. С. Ауэра (фото 2а), А. Н. Есиповой и других. Их оборотные стороны (фото 2б) дают ясное подтверждение

того, что доску использовали для вышеназванных целей. Вполне возможно, что изучение других табличек того времени позволит нам найти и последний недостающий четвертый столбик, и обстоятельства не заставят нас гадать: «Какие еще фамилии указаны в недостающем столбце?»

Хотелось бы восстановить первоначальную мраморную плиту таким образом, чтобы текст был нам полностью доступен, а над классами выдающихся профессоров консерватории повесить специально заказанные, новые мраморные таблички.

Фото 3. Торжественное заседание дирекции ИРМО по случаю 50-летия Петербургской консерватории. 1912 год. Музей истории СПбГК

Рахиль ТОМБАК

Визит М. Ростроповича в Музей истории СПбГК

К нам в Музей приходили с разными целями самые разные люди. Кто-то приносил документы и фотографии из семейного архива. Кто-то просил отыскать сведения об учившихся некогда в Консерватории своих предках. Кто-то отбирал материалы для научной работы.

Чрезвычайно интересны были встречи с приезжавшими из Европы внучкой А. Н. Есиповой и внучкой И. В. Ершова, с жителем Канады скульптором Моложениным (Лемоди), автором находящегося в нашем Музее бюста Чайковского. В день празднования 140-летия консерватории нас посетил тогдашний губернатор. А в день 35-летия Музея — внучка и праправнучка Римского-Корсакова.

Особенно запомнился визит неповторимого Мстислава Ростроповича. Он был очень рад увидеть имя своего отца, Леопольда Витольдовича, в сохранившихся экзаменационных программах, в списке учащихся в СПбГК в начале XX века.

Оживленно рассказывал он о Григории Пятигорском, о различных случаях из своей насыщенной событиями жизни. Был приятно удивлен, что у нас сохранились ленты с венков Глазунова, программки

с именами Казальса и других великих музыкантов. Благодарил за врученную ему мной вырезку из газетной статьи — о нем, Шостаковиче и Солженицыне, — выдержанной в благожелательном тоне.

Чрезвычайно удачно, что прославленный гость сфотографирован в стенах нашего Музея — так появился еще один ценный экспонат для будущих поколений.

Записала Э. Б.

Слева направо: Л. И. Чиркова, С. П. Ролдугин, Р. С. Томбак, Л. Г. Ковнацкая, М. Л. Ростропович, Н. С. Неретин. 2003 год